

Когда объявили результаты жеребьёвки для дневного задания, Чжан Хуайсуй сжал в руке карту той же масти, что выпала Цун Цзиньюэ, и лицо у него стало таким, словно он наступил в собачье дерьмо.

Он давно знал, что день, когда им придётся работать вместе, рано или поздно настанет. Но когда это действительно случилось, отвращение вспыхнуло на чисто физическом уровне — слишком отчётливо, чтобы скрыть.

А Цун Цзиньюэ, напротив, был спокоен как удав. Он слишком хорошо понимал: одного лишь его присутствия достаточно, чтобы раздражать Чжана.

Можно сказать, в нём действительно было нечто изменное, извращённое — особенно в том, как он наслаждался тем, как тот с трудом сдерживает вспышки гнева.

Сотрудники внесли в комнату трёх пушистых малышей: дворняжку, метиса корги и золотистого бордер-колли. Все трое были чисто вымыты, взъерошенные и до неприличия милые — с влажными, круглыми глазами, осматривающими всё вокруг.

— Какие же они прелестные! — Е Цинлань мгновенно превратилась в «цифровую тётушку».

— Программа нашла трёх щенков, которые пока ещё не обрели хозяев, — объяснил режиссёр Хэ. — Так что следующее задание: построить для каждого из них уютный, тёплый домик.

— Уровень сложности чертежей разный, всё зависит от вашей удачи. На выполнение — три часа. По завершении жюри выставит оценки: команда с лучшим результатом вытянет две бонусные карты, вторая — одну, а последняя получит «штрафную».

Распределение получилось таким: Ци Янь и Цзи Шиньянь, Сун Юфэй и Е Цинлань, ну и, наконец, Чжан Хуайсуй с Цун Цзиньюэ.

Команды по очереди тянули из рук ассистента свернутые чертежи.

Когда подошла очередь Чжана и Цуна, первый шагнул вперёд, второй без возражений остался рядом.

Рабочие сразу подкатили три огромных ящика с инструментами.

Результаты вскоре стали известны:

Сун Юфэй и Е Цинлань вытянули самый простой проект — одноэтажную деревянную будку.

Ци Янь и Цзи Шиньянь — домик с двориком, средней сложности.

А вот когда Чжан Хуайсуй развернул свой чертёж, и все увидели надпись «Роскошный собачий особняк», в комнате воцарилась тишина.

Цун Цзиньюэ мельком взглянул на схему — и его веко непроизвольно дёрнулось.

— Что-то у вас... уровень сложности не детский, — заметил Сун Юфэй, глядя на чертёж Чжана.

Цун усмехнулся, добавив масла в огонь:

— Учитель Чжан, удача, как всегда, на вашей стороне.

Чжан промолчал.

Он не стал с ним препираться, только взял ящик с инструментами:

— Ладно, выберем место.

Во дворе особняка было просторно, но подходящих мест для будок оказалось не так уж много — нужно было, чтобы и солнце не палило, и дождь не лил прямо в проход.

Другие команды быстро определились, а вот Чжан и Цун тут же разошлись во мнениях.

Цун, ценящий практичность, показал рукой:

— Под той фикусом во дворе будет отлично. Есть тень, прохладно, до гостинной рукой подать — кормить удобно.

Чжан скептически посмотрел, потом пошёл в другой конец двора — в тихий уголок с аккуратной клумбой и стеной, оплетённой плющом.

— А здесь как тебе? — спросил он ровно, но твёрдо. — Тихо, ветра меньше, да и земляная площадка.

Он постучал пальцем по стене:

— К тому же она прикроет от ветра, зимой будет теплее.

Цун нехотя признал, что тот рассуждает разумно — но уступать не спешил. Всё равно ведь главное — просто закончить задание и получить бонус.

— Слишком уединённо, — возразил он. — Кормить, следить — неудобно.

— Зато спокойно, — парировал Чжан. — А насчёт корма — можно выработать график. И потом, под фикусом комаров тьма, щенкам это вредно.

Проходившие мимо Ци Янь и Цзи Шиньянь одобрительно кивнули на выбор Чжана.

Цун мысленно цокнул: им, что, делать нечего?

Он уже понял, что спор проигран, и буркнул:

— Ладно, делай как хочешь.

Чжан не обратил внимания на тон — просто взял рулетку и маркер, размечая площадку.

Цун плёлся за ним, раздражённый. Всё это казалось ему бессмысленной вознёй — ведь щенков потом всё равно перевезут!

Чжан всегда был таким — с его идеализмом, доведённым до абсурда. Он вспоминал университет: тот же фанатизм, ночи напролёт вручную клеил декорации ради «настоящего искусства».

И всякий раз, когда Цун видел его таким, в нём просыпалось странное желание разрушить — проверить, не показная ли эта добродетель.

Даже если нет — разве можно жить так напряжённо?

От этих мыслей становилось не по себе. Не то чтобы он обиделся за спор — просто раздражала сама по себе наивность Чжана.

Чертёж был подробный, работа — кропотливая. Цун и так с трудом держал концентрацию, а уж рядом с молчаливым Чжаном — тем более.

Сначала они что-то обсуждали, потом Чжан всё делал сам.

Сквозь листву пробивалось солнце, ложилось на его ресницы, оставляя мягкие тени — редкая, почти интимная картина.

Цун нехотя признал: для такой работы Чжан и вправду создан.

Прошло столько лет, а при встрече снова — одно раздражение и признание.

Он что, и вправду считает себя особенным? — мелькнуло у него. — Смотрит на таких, как я, свысока?

Или это просто мания контроля — зачем делить каждую мелочь по кучкам? Так они никогда не закончат!

Цун схватил отполированную доску, наугад поставил пилу.

— Стой, — вмешался Чжан. — Эта боковая панель должна быть 58,5 сантиметров, а эта — только 58. Возьми большую доску, вырежи шип-паз, вот здесь, потом соедини с основанием.

Цун застыл, потом раздражённо бросил доску обратно:

— Делай сам!

Хочешь всё контролировать — пожалуйста.

Чжан только усмехнулся уголком губ и продолжил.

Цун, скучая, сел рядом. Смотрел, как тот, погружённый в работу, по ошибке берёт не ту пилу.

Щёлк — и по дереву пошла трещина.

Чжан замер. Осознал ошибку. И тут взгляд его наткнулся на едва заметную ухмылку Цуна.

Вот она — искра.

— Ты ведь видел, что я не тот инструмент взял? — холодно спросил он.

— А? — Цун лениво приподнял брови. — Не заметил.

Выражение лица Чжана изменилось — глаза потемнели.

— Мы работаем вместе. Если тебе что-то не нравится, скажи прямо. Но наблюдать со стороны, как человек портит труд — это по-твоему нормально?

Он говорил уже жёстко:

— Это не детская игра. Это уважение к чужому труду. Если ты и на съёмках ведёшь себя так же — мне серьёзно хочется усомниться в твоём профессионализме.

Даже злясь, он звучал слишком правильно. Эта «правильность» только сильнее раздражала Цуна.

С чего это я должен под него подстраиваться?

Он хотел ответить резко, но, встретившись взглядом с Чжаном, замер.

Тот действительно злился — уголки глаз дрогнули, покраснели.

— Я... — Цун открыл рот, но замолчал.

Ладно, признаем — перегнул. Слишком уж увлёкся.

Отвёл взгляд, потом неуверенно добавил:

— Ну не кипятись. Переделаем — и всё.

— Сам сделаешь? — усмехнулся Чжан. — Очень интересно было бы посмотреть.

И снова замолчал, продолжив работу.

Цун вздохнул, потёр шею и, не сказав больше ни слова, взял шкурку, стал помогать.

Так, в тягостном молчании, они достроили «собачий особняк».

Результат получился удивительно хорошим — крепким и аккуратным.

Когда режиссёр Хэ объявил об окончании задания и впустил щенков, маленький пёс-дворняжка тут же влюбился в их постройку, обнюхал порог и мигом юркнул внутрь, свернувшись пушистым комочком.

Чжан невольно улыбнулся — тепло кольнуло в груди.

Но стоило ему перевести взгляд на стоящего рядом Цуна — выражение тут же оледенело.

Цун мысленно выругался: чёрт, он что, хамелеон?

Оценки объявили быстро: их домик был лучшим по качеству, но худшим по времени. Они заняли последнее место.

Чжан, не говоря ни слова, развернулся и ушёл.

Цун, получив двойную порцию холодного отношения, тоже был не в восторге.

А щенок в домике, как назло, радостно заскулил и махнул хвостом.

— Да чтоб ты... — пробормотал Цун. — Совсем без глазомерки, как и твой хозяин.